

УДК 346
ББК 65; 67
Э 40

Э40   **Экономика и право** / Под ред. А. П. Заостровцева. —
Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». — СПб: Наука, 2009. — 376 с.

ISBN 978-5-02-025429-9

Сборник статей подготовлен на основе докладов VIII ежегодной конференции «Леонтьевские чтения», состоявшейся 27–28 февраля 2009 года в Санкт-Петербурге. Конференция проходила под общим названием «Экономика и право». В ней приняли участие известные в России и за рубежом экономисты и юристы. В ходе конференции обсуждались экономико-правовые проблемы России, которые в полной мере нашли свое отражение в данном сборнике.

Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям социально-экономических дисциплин, аспирантам и студентам, изучающим общественные науки, практикующим юристам, журналистам и всем, кто интересуется экономикой и правом.

Рецензенты:

профессор, доктор экономических наук Б. М. Гринчель,
профессор, доктор физико-математических наук,
заслуженный деятель наук РФ Л. А. Руховец

ISBN 978-5-02-025429-9

© Международный центр социально-экономических
исследований «Леонтьевский центр», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторах.....	5
Предисловие.....	7

Часть I. Экономика, право и трансформация российского общества

<i>Нуреев Р. М.</i> Возможно ли «российское экономическое чудо»? (институциональный комментарий к концепциям долгосрочного социально-экономического развития России)	9
<i>Латов Ю. В.</i> Защита нефтегазового комплекса России и защита России от нефтегазового комплекса: проблемы и парадоксы	37
<i>Лимонов Л. Э.</i> Власть и собственность на землю в России: к вопросу о зависимости от траектории предшествующего развития	58
<i>Григорьев Л. М., Плаксин С. М.</i> Учет интересов групп в антикризисной политике	85
<i>Розмаинский И. В.</i> Модели рыночного и семейно-кланового капитализма: посткейнсианский подход	102

Часть II. Экономический анализ права и криминального поведения

<i>Тамбовцев В. Л.</i> Публичное право с точки зрения методологического индивидуализма.....	122
<i>Скоробогатов А. С.</i> Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»: особенности советской системы принудительного труда	139
<i>Гилинский Я. И.</i> Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова)	169
<i>Заостровцев А. П.</i> Противоправная норма как источник экономических циклов: подход австрийской экономической школы	189

Часть III. Экономика легальная и нелегальная

<i>Цуриков В. И.</i> Особенности российской криминальной статистики.....	206
<i>Овчинников М. А.</i> Противодействие коррупции: что изменилось в условиях кризиса?	224
<i>Елисеева И. И., Щурина А. Н.</i> Возможные подходы к измерению объема коррупционного рынка	235

<i>Ширяева Я. Д.</i> Международный опыт оценки ненаблюданной экономики: попытки унификации.....	253
<i>Капралова Е. Б., Щирина А. Н.</i> Исследования коррупции как составляющей теневой экономической деятельности (на примере сетевой торговли)	277
Выступления гостей конференции и лекции лауреатов международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики» за 2008 г.	
<i>Вандорен П.</i> Верховенство закона в контексте сотрудничества ЕС и России.....	293
<i>Кубонива М.</i> Настоящие и будущие проблемы развития автопромышленности в России	300
<i>Гранберг А. Г.</i> Научное наследие В. Леонтьева и современные проблемы экономики	314
<i>Май В. А.</i> Экономический кризис: первые уроки	327
<i>Травин Д. Я.</i> Десять заповедей реформатора	356

ОБ АВТОРАХ

Вандорен Пол (Vandoren Paul) — заместитель главы Представительства Европейской Комиссии в России

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ; главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Гранберг Александр Григорьевич — доктор экономических наук, академик, член Президиума РАН, председатель ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» (Москва)

Григорьев Леонид Маркович — кандидат экономических наук, президент Фонда «Институт энергетики и финансов», декан факультета менеджмента Международного университета (Москва)

Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

Елисеева Ирина Ильинична — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Капралова Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Кубонива Масааки — профессор Института экономических исследований Университета Хитоцушибаши (Япония)

Латов Юрий Валерьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД России (Москва)

Лимонов Леонид Эдуардович — доктор экономических наук, директор-координатор научно-исследовательских программ Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

Май Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (Москва)

Нуреев Рустем Махмутович — доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва)

Овчинников Максим Александрович — заместитель начальника Аналитического управления Федеральной антимонопольной службы, эксперт группы «СИГМА»

Плаксин Сергей Михайлович — кандидат экономических наук, эксперт Института современного развития, научный сотрудник Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва)

Розмаинский Иван Вадимович — кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского филиала — Государственного Университета — Высшая школа экономики

Скоробогатов Александр Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры институциональной экономики Санкт-Петербургского филиала — Государственного Университета — Высшая школа экономики

Тамбовцев Виталий Леонидович — профессор, доктор экономических наук, заведующий лабораторией институционального анализа экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Цуриков Владимир Иванович — доктор экономических наук, доцент, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Ширяева Ярослава Дмитриевна — кандидат экономических наук, ведущий специалист сектора аналитико-правового обеспечения юридического управления Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Щирина Анастасия Николаевна — кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник вошли материалы VIII ежегодной конференции «Леонтьевские чтения», состоявшейся 27–28 февраля 2009 года в Санкт-Петербурге. Спонсорами и соорганизаторами конференции выступили Правительство Санкт-Петербурга, ОАО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк» и МЦСЭИ «Леонтьевский центр». Информационные партнеры конференции — журнал «Эксперт Северо-Запад» и газета «Деловой Петербург».

Конференция проходила под общей рубрикой «Экономика и право». Докладчики распределились по трем секциям: «Экономика, право и трансформация российского общества», «Экономический анализ права и криминального поведения», «Экономика легальная и нелегальная». В ходе конференции состоялась презентация нового трехтомного издания «В. Леонтьев. Избранные произведения». Состоялось также традиционное награждение лауреатов Международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики».

В сборнике читатель сможет познакомиться со статьями, которые подготовили участники конференции по материалам своих докладов. Авторы поставили ряд ключевых вопросов, которые так или иначе волнуют умы всех, кто посвятил себя изучению и описанию различных явлений общественной жизни, и попытались дать свои ответы. В качестве примера можно обратить внимание на анализ природы российского капитализма, который назван в одной из статей «семейно-клановым». В этом же ряду стоит проблема собственности в России: следует ли считать, что провозглашенная законодательством частная собственность на землю стала реальностью в нашей стране? Об одной из точек зрения по этому вопросу можно узнать из представленного в сборнике исследования.

Читатель также сможет познакомиться со взглядом экономиста на репрессии сталинского режима и принудительный труд при социализме. В то же время юристы обращают внимание на социально-экономические корни преступности, придавая особое значение социальному расслоению, резкой поляризации доходов.

Большое место уделено различным сторонам так называемой «ненаблюдаемой экономики» и оценкам ее масштабов. Естественно, не могла остаться без анализа и вечная российская болезнь — коррупция. Не прошли незамеченными и проблемы криминальной статистики.

Скоробогатов А. С.

ДИЛЕММА ДИКТАТОРА И «ПРОБЛЕМА ЦАРЯ ИРОДА»: ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

*Царство Небесное подобно человеку,
посевшему доброе семя на поле своем;
когда же люди стали, пришел враг его
и посеял между пшеницею плевелы и ушел.*

Мф. 13:24–25.

Я просто шел на вас под закрытым забралом!
А. Солженицын, «В круге первом».

*...увешанный орденами советский генерал
тинал сапогами солдат, сидевших на тротуаре
и молотками сбивавших лед. Этот небольшой
эпизод свидетельствует о характере отношений
между большевиками и их подданными
красноречивее любого ученого рассуждения
о природе сталинизма.*

Й. Баберовски, «Красный террор».

Одной из главных загадок советской истории является вопрос о том, почему советская власть не дорожила принадлежавшими ей человеческими ресурсами. Речь идет о именно принадлежавших государству человеческих ресурсах, поскольку в течение по меньшей мере сорока лет после октябрьского переворота¹ вольного труда не существовало, а имели место лишь различные градации и формы труда принудительного, начиная от государственного рабства «спецконтингента» и кончая крепостничеством и трудовыми

---

¹ Время становления и расцвета лагерной экономики. См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Екатеринбург: Издательство «У-Фактория», 2006. Т. 2. С. 8.

повинностями формально свободных людей². В этом смысле принудительный труд имел всеохватывающий характер и находился под полным контролем государства.

По классификации Я. Корнаи, советская экономика была ресурсно-ограниченной, в частности, имевшей пределы своего роста со стороны количества и качества имеющейся рабочей силы. В то же время советское государство, как никакое другое государство в мире, связывало свои успехи и поражения с индустриализацией и полномасштабным обновлением народного хозяйства — задачами, решение которых определялось трудом, а значит, и сохранением жизни, здоровья, работоспособности его подданных.

От власти, всецело зависящей в решении своих задач от труда принадлежащих ей людей, логично было бы ожидать прагматично-бережного отношения к ним, хотя бы наподобие заботы собственника о его имуществе. Однако она демонстрировала выдающееся по своей пренебрежительности отношение к своим подданным — к сохранности их жизни, работоспособности, на конец, жизненной и профессиональной реализации. В первую очередь это касается узников лагерей, количество которых на протяжении почти всего указанного периода непрерывно

² ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. В различных главах этой коллективной монографии подчеркивается мысль об отсутствии в СССР вольнонаемного труда в истинном смысле. См., например: Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг. С. 20; Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х гг.): эффективность и производительность. С. 255–256; Красильников С. А. Спецпереселенцы, спецартели и спецорганы: механизмы и результаты спецколонизации севера Западной Сибири в 1930-е гг. С. 279. См. также: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008; Верт Н. История советского государства. М.: Весь мир, 2006. С. 415, 461.

росло³. Сюда нужно прибавить великое множество тех, кто был арестован и нередко уничтожен «ни за что»⁴. В целом советская власть отличалась характерным «использованием» людей — легкостью, с которой она принимала решения о расстрелах и отправке в ГУЛАГ, допускала массовый голод или же неоправданные потери во время войны. В условиях как войны, так и (вроде бы) мира власть предпочитала цели и методы, предполагавшие необоснованно высокие затраты человеческих ресурсов.

Поведение советского государства, ставившего перед собой цели, достижение которых зависело от принадлежавших ему человеческих активов, и допускавшего их уничтожение, выглядит нерациональным, идущим вразрез с его же собственными интересами. Необъяснимость такого поведения, отмечаемая и западными исследователями советского строя⁵, создала устойчивую традицию рассмотрения его руководителей как неких маньяков, движимых заведомо иррациональными мотивами или попросту халатно относящихся к своим задачам. Если это действительно так, то экономическая теория, будучи изначально сухой логикой рациональности, непригодна для объяснения мотивов их поведения. Методами анализа нерационального поведения экономическая наука не располагает, но располагает инструментом предсказания его последствий. Усвоенный ею эволюционный подход, сформулированный А. Алчианом⁶, предполагает, что любые нерациональные схемы

³ Лагеря, об условиях труда и быта в которых сохранилось множество свидетельств очевидцев, начиная от знаменитых произведений Солженицына и Шаламова и кончая воспоминаниями безвестных арестантов, изображаются в них как именно *истребительно-трудовые* (название третьей части «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына; курсив автора): в любой момент заключенный мог погибнуть от пули надзирателя или от ножа уголовника, от голода, холода, отсутствия медицинского обслуживания или чрезмерных трудовых нагрузок. О том же говорят и данные архивов, ставшие доступными с 1990-х гг. См., например: Верт Н. Указ. соч. С. 271; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда... С. 189–195, 203–207.

⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.. Т. 1. Гл. 1; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... Гл. 8.

⁵ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 115; Suny R. G. (ed.) The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 212.

⁶ Alchian A. A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. № 3. P. 211–221; Норт Д. С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: НАЧАЛА, 1997. С. 22.

поведения, институты и их носители должны отсеиваться в ходе естественного отбора. Возможно, система, созданная советской властью, не прошла естественный отбор по причине своей неэффективности, но те руководители, которые сформировали эту систему, выиграли в конкурентной борьбе, и значит, с точки зрения политического и экономического выживания, их действия были целесообразны.

Настоящая статья посвящена поискам разрешения указанного парадокса. Вначале будут рассмотрены возможные объяснения, которые вытекают из литературы по экономике принудительного труда и теории диктатуры. Затем будет предложено авторское решение на основании трактовки указанного времени как эпохи «перманентной» гражданской войны, в чем-то напоминающей столетнюю гражданскую войну, завершившую республиканский период истории древнего Рима. Что особенно важно, предлагаемое в статье объяснение конкретных исторических явлений, вероятно, могло бы претендовать на статус нового обобщения в рамках теории диктатуры, так что его можно было бы использовать для объяснения схожих фактов в совершенно иных исторических контекстах.

Экономика рабства: рациональный смысл принуждения

Итак, поскольку советское общество представляло собой систему тотального принуждения, в поисках ответов на поставленные вопросы можно обратиться к литературе по экономике рабства. В последней обычно рассматриваются рациональные основы отношений между хозяином и рабом, а также условия, делающие выгодным порабощение человека и определяющие степень его загрузки и заботы о «воспроизводстве его рабочей силы». Одна из наиболее известных концепций принудительного труда принадлежит Д. Норту и Р. Томасу, которые, исследуя особенности западноевропейского феодализма, пришли к выводу о том, что в его основе лежал взаимовыгодный обмен между феодалами и крестьянами. Последние получали «защиту и спра-

⁷ North D. C. and Thomas R. The Rise and Fall of the Manorial System: a Theoretical Model // Journal of Economic History. Vol. 31. № 4. 1971. P. 780; North D. C. Structure and Change in Economic History. N. Y.: W. W. Norton & Company, Inc., 1981. P. 28–131; Fenoaltea S. The Rise and Fall of a Theoretical Model: The Manorial System // Journal of Economic History. Vol. 35. № 2. 1975. P. 386–390.

ведливость» в обмен на свой труд в хозяйствах феодалов⁷. Таким образом, здесь мы имеем дело с контрактным государством в миниатюре, когда общество в лице крестьян заключает сделку с поставщиком общественных благ, результатом которой является повышение совокупного благосостояния. Развитием данной концепции стала склонность институционалистов усматривать контрактные отношения во всех случаях принудительного труда. Действительно, люди могут сами изъявлять готовность жертвовать своей свободой ради жизненно важных благ, таких как пища, кров и защита, и в истории рабство нередко было сравнительно завидной долей⁸. Положение раба дает известные преимущества, а именно — заинтересованность в сохранении его жизни и работоспособности у кого-то еще. В определенных обстоятельствах это может быть решающим для сохранения жизни. Рачительный хозяин, заботясь о своей собственности, будет обеспечивать своим рабам пропитание, защиту и медицинское обслуживание на уровне, достаточном для сохранения их жизни и работоспособности, тогда как свободный сам должен об этом заботиться. И если он беден и слаб, у него это может получаться хуже, чем у богатого и сильного рабовладельца.

Другие теоретики делали акцент на выгодах лишь одной из сторон — пользователя принудительного труда. Е. Домар связывал стимулы к порабощению с высокой отдачей от принудительного труда, возникающей в условиях редкости рабочей силы относительно земли или иных ресурсов⁹. Й. Барцель полагал, что рабство оправдано во всех случаях, когда оно обещает повышенные трудовые усилия раба при его содержании, обеспечивающем лишь поддержание его работоспособности. В широком смысле речь здесь идет об экономии на оплате труда. Если есть необходимость в труде, малопривлекательном по причине его тяжести, интенсивности, унизительности и т. д., к нему можно было бы привлечь и вольнонаемных работников, но при условии надлежащей компенсации, раба же можно заставить делать то же самое, предоставляя ему лишь прожиточный минимум.

⁸ Barzel Y. An Economic Analysis of Slavery // Journal of Law and Economics. Vol. 20. № 1. 1977. P. 104–106; Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. P. 64–68.

⁹ Domar E. D. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // Journal of Economic History. Vol. 30. № 1. 1970. P. 20–21.

Положение раба, с определенными оговорками, аналогично положению нищего, который должен такую сумму, что для ее выплаты с соответствующими процентами ему придется взять на себя трудовые усилия и согласиться на уровень потребления, которые устанавливаются работодельцами в отношении их рабов¹⁰.

Идеи Домара и Барцеля были развиты С. Феноальтеа, который целесообразность рабства увязывал с возможностью экономии как на оплате труда, так и на издержках контроля. Последние важны по причине отсутствия у рабов положительных стимулов к труду, из-за чего заставить их трудиться можно, лишь создавая стимул в виде страха и боли, т. е. путем контроля, физического принуждения и наказания. Это требует затрат и уменьшает экономию на оплате труда. Следовательно, условием эффективности рабского труда является возможность сэкономить также и на этих затратах. По мнению автора этой модели, такая экономия возможна лишь при использовании неквалифицированного труда — когда результат определяется усилиями, а не собственной «заботой», творческим подходом и воображением¹¹.

Вышеописанные концепции приписывают значительной части работодательских отношений взаимовыгодный контрактный характер; предполагают бережное отношение владельцев к «живому капиталу», а также возможности целесообразного принуждения лишь в отношении неквалифицированного труда. При помощи этих концепций можно объяснить очень многое в истории принудительного труда, в том числе и в нашей стране, но они не подходят для ответа на вопросы, поставленные в данной статье — они не объясняют условий содержания рабов, обрекающих их на вымирание и имеющих место независимо от их производительности. Скажем, если человек возит тачки со строительным мусором, его можно побудить работать быстрее при помощи кнута или угрозы расстрела, но постоянное содержание его на голодном пайке явно ничего не дает в плане производительности, но наоборот, истощает его силы, по сути, создает быстрый износ человека как капитального актива без выигрыша в производительности.

¹⁰ Barzel Y. Op. cit. P. 88–91.

¹¹ Fenoaltea S. Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // Journal of Economic History. Vol. 44. № 3. 1984. P. 637–643.

Еще один момент — использование советским руководством физического принуждения в отношении как неквалифицированного, так и квалифицированного труда, свидетельством чему служат «шашки» — научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, использовавшие творческий труд заключенных ученых и инженеров. Правда, в качестве стимулов для советских заключенных специалистов выступало сочетание сравнительно хороших условий и угрозы лагеря. Но, по Феноальтеа, такая угроза также относится к «болевым стимулам», как и для наемного работника риск потерять работу и оказаться перед угрозой голода¹². В его концепции применение такого рода стимулов целесообразно только в отношении «усилие-интенсивного труда». Здесь же парадокс — то же самое в отношении «забото-интенсивного труда», т. е. труда, требующего творчества, воображения. Как полагает Феноальтеа, тревога, беспокойство — состояние, эффективное лишь для неквалифицированного труда и вредное для труда квалифицированного. Однако советский режим мало того что отправлял специалистов в заключение, но еще и «напрягал» угрозами. Таким образом, как всеохватность принудительного труда, так и умышленное разрушение «живого капитала», характеризующие советскую систему, не вписываются в вышеописанные концепции, выявляющие рациональные основания рабства.

Политэкономия диктатуры: врагов казнить, а друзей миловать Теория диктатуры Уинтроба

Поскольку организатором системы принудительного труда было государство, основной вопрос настоящей статьи требует обращения к политической экономии, в частности, теории диктатуры, развитой Уинтробом¹³. Поведение диктатора здесь выступает как направленное на максимизацию функции полезности, которая, в зависимости от типа диктатуры, в определяющей степени зависит

¹² Op. cit. P. 662.

¹³ Wintrobe R. The Tinpot and the Totalitarian: An Economic Theory of Dictatorship // American Political Science Review. Vol. 84. № 3. 1990. P. 849–872; Mueller D. C. Public Choice III. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Ch. 18.

от власти или личного потребления. Советская диктатура в рамках этой концепции рассматривается как тоталитарная — ориентированная на максимизацию власти¹⁴ как возможности контролировать все стороны жизни людей. Ее исходной целью, несомненно, было переустройство мира в соответствии с максистской идеологией, но для этого требовалась власть — средство, настолько неразрывно связанное с целью, что легко подменяло ее.

На полноту власти влияют лояльность населения и репрессии. Лояльность обеспечивается за счет хорошей жизни для части населения, а репрессии достигают своей цели, когда используются по назначению, т. е. против потенциальных зачинщиков бунта. Таким образом, диктатор должен следовать выборочным стратегиям наград и наказаний, а именно — друзей миловать, а врагов казнить. Рациональное использование ресурсов в данном случае предполагает разбиение общества на группы по двум таким критериям как восприимчивость к наградам и наказаниям. Соответственно, перераспределение нужно организовать от тех, кто в любом случае будет против диктатора, к тем, чья лояльность может быть куплена, а острие репрессий, соответственно, должно быть направлено против первых. В результате диктатура с необходимостью оказывается марксовым классовым обществом эксплуатируемых и эксплуататоров, где первые обираются последними с помощью репрессивных возможностей государства¹⁵.

Успешное осуществление политики выборочных наград и наказаний требует верной информации об истинных друзьях и врагах диктатора, а в широком смысле — о степени лояльности его подданных, чтобы каждый подданный получал такую порцию наград/наказаний, которая была бы оптимальна в плане поощрения лояльности и предупреждения бунта. И здесь диктатор сталкивается с проблемой, обозначенной в литературе как дилемма диктатора:

¹⁴ Wintrobe R. Op. cit. P. 862.

¹⁵ Однако, в отличие от марксовой схемы с «антагонистическими классами», здесь допускается большая классовая пестрота: в промежутке между *winners* и *losers* могут располагаться различные прослойки с умеренным отношением к диктатору, в отношении которых степень перераспределения и репрессии опять-таки должны быть соответствующими.

выборочная стратегия наград и наказаний необходима для удержания власти, но она стимулирует каждого прикидываться другом диктатора и, соответственно, затрудняет для него идентификацию его истинных друзей и врагов. При этом неопределенность относительно истинного отношения к диктатору будет тем больше, чем активнее его политика наград и наказаний, т. е. чем выше степень перераспределения и репрессий. Это ставит под вопрос всю политику удержания власти диктатора, поскольку ее инструменты — награды и наказания — могут достигать цели лишь при их использовании по надлежащим адресам.

Проблема решается путем создания диктатором четких критериев для подразделения общества на группы по их отношению к нему с тем, чтобы к каждой группе применять соответствующую дозу наград/наказаний. Критерием отбора покровительствуемой диктатором группы может быть экономический интерес, идеологическая окраска, социальное происхождение или семейные узы. Успех этой политики, выражющийся в укреплении власти диктатора, будет зависеть от того, насколько корректными оказались выбранные диктатором критерии.

Прецеденты, вписывающиеся в эту концепцию, можно без труда обнаружить в далеком прошлом — в истории античности или же Древнего Востока. Яркий пример — библейское повествование об отношении египетского фараона к еврейскому народу, в частности, о его неудержимой тяге так распорядиться этой частью своих подданных, чтобы не только извлечь трудовые результаты, но и добиться уменьшения их численности, поскольку в них он видел угрозу для государства¹⁶. Дилеммой диктатора (все же располагающего надежными критериями для отделения своих от чужих), кажется, можно воспользоваться и при анализе современницы сталинской державы — гитлеровской Германии, — использовавшей население завоеванных территорий и военнопленных в качестве рабочей силы с заведомо коротким сроком службы. Германия так поступала с этим населением, поскольку преследовала цели не только производственные, но и военные, истребительные, состоявшие в том,

¹⁶ Исх. 1:7–11.

чтобы избавиться от потенциальной живой силы противника, а также очистить территорию, предназначенную для заселения собственными гражданами.

Диктатура в теории и в советской действительности

Данная концепция позволяет объяснить и ряд аспектов функционирования советского государства. Власть действительно с самого начала четко подразделяла общество на друзей, врагов и различных «насекомых»¹⁷. Поддержки тех или иных социальных слоев большевики добивались путем обещания им каких-то благ, имеющих быть отобранными у других социальных слоев. Данная стратегия успешно применялась во время Гражданской войны, когда крестьянам предлагалась земля за счет ее отчуждения у помещиков, царского дома и «кулаков»; национальным меньшинствам — политическая самостоятельность и населению в целом — прекращение войны с центрально-европейскими державами за счет фактического распада империи; промышленному пролетариату — «рабочий контроль» за счет его утраты бывшими собственниками и директорами предприятий и т. д.¹⁸

В последующие десятилетия по мере искоренения враждебных и сомнительных элементов и, соответственно, приобретения обществом более однородного состава в плане внешней лояльности к советской власти, последней приходилось предпринимать все больше усилий по выявлению отношения к себе со стороны различных групп и, в конечном счете, представителей населения. Советская социальная стратификация, охватывавшая все слои общества, включая заключенных, отражала ориентированную степень лояльности¹⁹, вознося своих на верх социальной иерархии, уничтожая физически или социально чужих и между ними располагая промежуточные типы.

¹⁷ Ленинское выражение для обозначения если и не явных врагов, то прослоек, которым не должно было быть места в новом обществе. См. Солженицын А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 40–41.

¹⁸ Верт Н. Указ. соч. С. 126–130.

¹⁹ Другие важные критерии стратификации, выражавшиеся в снабжении населения, определялись отношением той или иной группы или человека к проводившейся индустриализации, армии и «идеологическому фронту». В этих критериях просматривается стремление власти приручить не только потенциально лояльных, но и наиболее полезных для режима. См.: Осокина Е. А. Указ. соч. С. 123–131.

Тем не менее, и по прошествии длительного времени после окончания Гражданской войны власть осуществляла «негативную интеграцию общества»²⁰,вольно или невольно предлагая одним получить выгоду за счет других. Во всех сферах жизни верхний (нередко едва сформировавшийся) слой снимался, открывая путь наверх и возможность «стать всем» для тех, «кто был ничем». В результате репрессий или увольнений низвергались вниз по социальной лестнице авторитетные профессора, «буржуазные спекцы», опытные руководители, «старые большевики», прославленные военачальники и пр., освобождая места для различного рода «выдвиженцев» и активистов²¹.

Здесь-то и обнаруживается специфика советской диктатуры, ограничивающая объясняющие возможности концепции Уинтруба исключительно периодом Гражданской войны. Тогда подразделение общества на прослойки в видах назначения или, скорее, обещания надлежащей дозы наград/наказаний вполне могло быть действенной мерой по причине существования социальных групп, объективные экономические интересы которых должны были четко определять их лояльное или враждебное отношение к советской власти. Вместе с тем, и идеологический критерий приверженности к большевизму или тем более, членства в партии в то время позволял четко отделять своих от чужих. Однако по мере укрепления коммунистической власти надежность этих критериев должна была становиться все более сомнительной.

Подавляющее большинство народа — крестьяне, рабочие, национальные меньшинства, интеллигенция, — в противоположность ленинским обещаниям, не получило чаемого и стало жить хуже. Социальную базу сталинской диктатуры можно было бы усматривать в государственном аппарате, включая все сколько-нибудь руководящие должности в хозяйстве, в армии, в карательной системе,

²⁰ Баберовски Й. Красный террор: История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. С. 172.

²¹ Солженицын, заимствовав строфи из Пушкина, дал глубокое образное обобщение такой социальной перестройки общества, выделив в нем три типа — «тирана, предателя и узника» (Раковый корпус. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 385). Здесь получается, что одни люди («тиран») получают власть, предлагая другим («предателю») помочь в ограблении третьих («узника»).

а также сектор приближенных к ним в виде разнообразной obsługi и т. д. В таком случае советский строй вплотную приближается к азиатскому способу производства с классами государства и подданных. Специфика однако заключается в чрезвычайной социальной мобильности. Как уже отмечалось, тонкий слой людей, выигравших в «новом мире», регулярно снимался, чтобы освободить место на верху для выходцев из низов — в том числе представителей старых прослоек — крестьянства, купцов, дворян, рабочих и интеллигентии. Если подразделить население на классы подданных и государства, политическая благонадежность и тех, и других, в силу негативной интеграции общества была неоднозначной. Первые подвергались эксплуатации, но могли питать надежды выбиться в люди за счет вытеснения новой советской аристократии; последние же пользовались благами, проистекающими из принадлежности к правящему классу, но имели все основания опасаться за свои места и жизни.

При этом все в недавнем прошлом принадлежали к тем классам, которые теперь пребывали в бедственном положении. С чисто индивидуалистической точки зрения, это как будто не важно: какая разница, что происходит с классом, к которому ты уже не принадлежишь? Но, во-первых, при старом режиме кто-то мог находиться в лучшем положении даже по сравнению со своим выгодным местом при новой власти. Во-вторых, даже если они и выигрывали, они могли быть неравнодушны к судьбе своих родственников, друзей и знакомых, т. е. своих бывших локальных сообществ, с которыми привыкли себя ассоциировать. Такого рода неоднозначность могла отсутствовать только в душах изгоев — людей, находившихся в самом низу старой социальной лестницы и не привыкших себя относить к какому-либо локальному сообществу, — и «предателей», легко рвавших старые социальные связи ради продвижения в новом обществе²².

²² Эту ситуацию социальной неоднозначности хорошо характеризует выражение Сологдина — героя солженицынского романа, — вынесенное в эпиграф настоящей статьи. Когда-то он вступил в комсомол, попал в институт и стал советским инженером, т. е. достиг определенного положения в советском обществе. Однако, по его словам в частной беседе, стремление выбиться в люди при новых порядках нисколько не помешало ему быть их воинственно настроенным противником. См.: В круге первом. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 538.

Такому же размыванию подвергся и идеологический критерий. Исследователи советского строя, начиная с Л. Троцкого с его книгой под характерным названием «Преданная революция», неоднократно отмечали глубокую трансформацию большевистской партии, которую она претерпела в межвоенный период²³. Из группы профессиональных революционеров, безусловно преданных соответствующей идеологии, партия превратилась в многочисленное и разношерстное сообщество неофитов, подавляющее большинство которых вступало в нее из соображений карьеры и безопасности в новом обществе, имея при этом самые смутные представления о ее учении и задачах²⁴. По словам Осокиной, «новую молодую номенклатуру... составили люди без глубоких идейных убеждений»²⁵.

Основным результатом этих процессов размывания экономических и идеологических критериев отделения своих от чужих стала социальная неоднозначность²⁶ и, соответственно, отсутствие у диктатора возможности проводить эффективную политику наград и наказаний, как это предусматривает теория Уинтроуба. Не согласуются с ней и факты, характеризующие советские репрессии. Значительная часть репрессированных явно не подходит под те критерии, на основании которых было бы возможно решение о назначении им их наказаний: среди них было немало лояльно или терпимо относившихся к власти. Еще важнее — сам характер карательной системы, ориентированной не на определение действительного врага, а на осуждение по разнарядке²⁷.

Роль мотива устрашения

Наконец, данную концепцию нужно соотнести с фактами и в том, что касается репрессий, которым она приписывает такую цель

²³ Верт Н. Указ. соч. С. 238; Баберовски Й. Указ. соч. С. 84.

²⁴ Ситуация, весьма напоминающая те метаморфозы, которые пережило христианство после его принятия императором Константином.

²⁵ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 137–138. О том же воцарившемся в партии «мешканском духе» пишут многие авторы от Фишпатрик до Солженицына.

²⁶ Баберовски Й. Указ. соч. С. 132.

²⁷ «От сравнения Гестапо — МГБ уклониться никому не дано... истязали и там, и здесь, но Гестапо все же добивалось истины, и когда обвинение отпало — Дивница выпустили. МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятього выпускать из когтей». Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.. Т. 1. С. 142.

как запугивание. В истории некоторые тираны действительно руководствовались этим мотивом, чтобы обеспечить себе вынужденную лояльность своих подданных. Следование этой стратегии предполагает осуществление репрессий таким образом, чтобы о них все знали. Именно так действовали правители древнего Рима, превращая массовые казни в общенощадное зрелище в Колизее (наподобие расправ над иудеями после подавления их бунтов в 70 и 135 гг. или христианами при различных цезарях, видевших в них угрозу для империи)²⁸, а когда и в акт простого устрашения типа распятия на крестах вдоль дороги (как было сделано с рабами, сражавшимися под предводительством Спартака²⁹). Так же поступали и европейские правители в средние века и в новое время, подвергая истязаниям на городских площадях тех, в ком они видели своих противников.

Красный террор периода Гражданской войны, в общем, дополняет этот ряд примеров. Свои массовые казни большевики обычно не скрывали и проводили их не только с целью уничтожения врагов, но и для устрашения. Последующая советская эпоха, как никакая в нашей истории, отмечена атмосферой страха. Можно ли из этого сделать вывод о сохранявшимся у власти намерении запугивать общество репрессиями и тяжелым содержанием заключенных, или же это было лишь побочным эффектом ее политики? В пользу последнего предположения говорит тот факт, что советская власть со временем стала тщательно скрывать как размах, так и жестокость своих репрессий.

Как отмечает Баберовски в своем исследовании сталинских репрессий, «НКВД прилагал все усилия, чтобы скрыть от общества свою программу уничтожения»³⁰, о чем свидетельствует в том числе и тот факт, что важнейшие приказы, спускавшие внутренним органам планы по количествам арестов и расстрелов, например, «Приказ 00447», выходили «под грифом строгой секретности»³¹. Об этом же пишет и Солженицын, упоминая такое «достоинство у ноч-

²⁸ Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.

²⁹ Немировский А. И. История Древнего мира. Ч. 2. М.: ВЛАДОС, 2000. С. 104.

³⁰ Баберовски Й. Указ. соч. С. 182.

³¹ Там же. С. 179.

ных арестов, что ни соседние дома, ни городские улицы не видят, сколько-нибудь увезли за ночь. Напугав самых близких соседей, они для дальних не событие. Их как бы и не было. По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, — днем шагает молодое племя со знаменами и цветами и поет неомраченные песни»³². Описывая разнообразную практику осуществления арестов, писатель на многих засвидетельствованных воспоминаниями примерах выделяет их важнейшую объединяющую черту — то, что «они [карательные органы] не могут работать при свете общества»³³. С этой же мысли начинается одна из крупнейших современных историй ГУЛАГа: «О колоссальном разрушительном потенциале лагерной темы знали или догадывались все партийные руководители, в том числе и Сталин, поэтому и держали эту тему в оковах строгой государственной секретности»³⁴.

О том же, что власть скрывала от общества масштабы репрессий со смертельными исходами, говорит тот факт, что о расстреле или гибели в заключении родственники арестанта, не получая официального сообщения, могли заключать лишь на основании известного запрета «без права переписки». Всякие контакты заключенных с внешним миром строго ограничивались и контролировались. Всем внешним заключенные обязаны были сообщать о хороших условиях своей жизни³⁵. Об этом говорят как воспоминания очевидцев, так и создававшиеся по указке властей документальные фильмы и книги о мифической сладкой жизни в лагерях.

Правда, были репрессии и подлежавшие широкой огласке, как в случае разнообразных «процессов». Однако, как правило, это касалось лишь высокопоставленных деятелей, когда, скажем, их расстрел нельзя было утаить от общественности, и само по себе не могло быть

³² Солженицын А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 24.

³³ Там же. С. 31. См. также характерный случай с водительницей трамвая на с. 82. Еще одним ярким примером может служить описанная Солженицыным в романе «В круге первом» практика перевозки заключенных в грузовиках, обозначенных надписями «хлеб», «мясо».

³⁴ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политico-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 4.

³⁵ Ср. любые упоминания о сношении заключенных с внешним миром у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», «В круге первом» и «Раковом корпусе».

источником информации о размахе и сорности репрессий. Кроме того, устраивая процессы, власть могла просто пытаться режиссировать свои кровавые деяния таким образом, чтобы их главным исполнителем представить само же общество, переложив тем самым на него ответственность за них.

Влияние групп интересов в условиях диктатуры

Иногда репрессии рассматриваются и как ответная мера государства на разлагающие действия групп интересов. По М. Олсону, группы специальных интересов, в отличие от групп всеохватывающих интересов, подрывают основы экономического роста. Советское государство как оседлый бандит было группой со всеохватывающим интересом, поскольку его цели в виде удержания и укрепления власти напрямую зависели от успехов всего народного хозяйства. Соответственно, угодные государству экономические и идеологические интересы должны были формироваться только вертикальными связями. Исходя из этого, «чистки» Олсон трактует как дисциплинарные меры, предотвращающие возникновение бюрократических гговоров (горизонтальных связей), которые уменьшали эффективность системы³⁶.

Отталкиваясь от этой теории, мы должны были бы «ожидать» от советской действительности следующего: а) политика властей оставляет обществу возможность не формировать горизонтальные связи; б) возникающие группы интересов подрывают основы политического или экономического могущества центра, и в результате их распада увеличивается власть центра и повышается экономическая эффективность; в) репрессии представляют собой точные удары по соответствующим локальным группам; г) наконец, поскольку «группообразование»³⁷ осуществляется непрерывно, власть так же

³⁶ Олсон М. Институциональные изменения, рассредоточение власти и общество в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998. С. 388–428; Mueller D. Op. cit. P. 418–420.

³⁷ Скоробогатов А. С. Российская стабильность последних лет: предпосылка экономического развития или институциональный склероз? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 1. С. 45.

последовательно проводит политику по предупреждению возникновения или ликвидации таких групп.

Группы интересов в виде как сугубо горизонтальных связей, которые обеспечивали взаимные преимущества, именуемые «блатом», так и клиентских отношений, действительно имели все-проникающий характер. Однако разбивка общества на группы взаимной поддержки стала с его стороны неизбежной реакцией на проводившуюся властью политику, в результате которой большинство людей были вынуждены думать о выживании в условиях катастрофического недостатка всего необходимого³⁸. Например, как доказывает Осокина, советская система государственного снабжения предусматривала удовлетворение основных потребностей в лучшем случае 20% населения, но в конечном счете даже эта сравнительно привилегированная прослойка по большей части была вынуждена искать альтернативных источников средств существования, т. е. вступления в горизонтальные — реципрокные — или клиентские связи³⁹. Экстремальные условия создавались и на предприятиях, которым спускались нереальные производственные задания, формальное выполнение которых было возможно лишь за счет «туфты», взаимного покрывания и горизонтальных обменов⁴⁰. Если учесть все это, вряд ли будет большим преувеличением приписать непосредственно Сталину создание «системы патрона-жа и вассальных отношений», как это делает Баберовски⁴¹.

По вопросу о том, угрожали ли горизонтальные связи власти центра, можно найти противоположные мнения⁴². Однако хозяству страны репрессии определенно наносили урон, а не выгоду. На смену опытным и нередко талантливым руководителям приходили невежественные «выдвиженцы», в руках которых успешные предприятия зачастую приходили в упадок. Среди многочисленных

³⁸ Фишпатрик Ш. Повседневный сталинизм... Гл. 2, 4.

³⁹ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 189–226.

⁴⁰ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. С. 211; Хайнцен Дж. Коррупция в ГУЛАГе: дилеммы чиновников и узников // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 157–174.

⁴¹ Баберовски Й. Указ. соч. С. 82.

⁴² Ср.: Там же. С. 150–161; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репресии 1936–1938 гг. // М.: РОССПЭН, 2009. С. 24.

примеров хозяйственной дезорганизации, вызванной репрессиями, можно выделить «Дальстрой» — крупнейший и стратегически ключевой советский трест, демонстрировавший ошеломляющий рост выпуска до тех пор, пока не было репрессировано его руководство⁴³, — а также Донбасс, где по тем же причинам «на некоторых предприятиях совсем не осталось специалистов, в результате чего производство остановилось»⁴⁴. Можно ли в данном случае говорить об экономической целесообразности «чисток»?!

Что касается самих репрессий, то они в значительной своей части не были ни адресными, ни последовательными. Они имели характер кампаний, т. е. резких вспышек насилия по тем или иным поводам, от которых страдали самые широкие слои населения.

Нельзя, конечно, полностью отрицать наличия у советского руководства соображения, связанного с горизонтальными связями и их предполагаемым вредом, но, если учесть вышесказанное, оно не было единственным и, вероятно, даже главным мотивом проведения репрессий.

Специфика советской тирании — политика в условиях перманентной гражданской войны

Советская система принуждения, по существу, стала выражением продолжавшейся гражданской войны⁴⁵. Особенность российской революции в том, что полноценного класса, который бы выиграл благодаря ей, не было. По смыслу коммунистической идеологии, это был пролетариат, но он составлял сравнительно узкую прослойку и в конечном счете также не оказался в выигрыше от коммунистических преобразований. В критические для себя времена большевики выезжали на идеологии, демагогии и, что, может быть, важнее всего, щедрой раздаче пустых обещаний — политическом приеме, которым в те времена никто не пользовался столь искусно. К тому моменту, когда та или иная прослойка находила себя обманутой,

⁴³ Норландер Д. Магадан и становление экономики Дальнстроя в 1930-е гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 239–254. Подобные примеры приводит и Солженицын, рассматривая «потоки» спецов с начала 1920-х гг. См.: Архипелаг ГУЛАГ... Гл. 2, 9.

⁴⁴ Баберовски Й. Указ. соч. С. 174.

⁴⁵ Там же. С. 11, 14.

время для решительных действий против советской власти, как правило, уже было упущено.

По самому способу обретения власти большевики получили поданных, среди которых каждый вполне мог считать себя обманутым. Отношение к власти у большинства определялось труднопредсказуемой верой в идеологию, вождя и меняющиеся обещания. Поэтому вполне разумным было предполагать затаенную нелояльность большей части населения, а в отсутствие четких критериев для отделения своих от чужих *в каждом человеке можно было допускать как лояльность, так и нелояльность к власти*.

Необходимость существования большого количества нелояльных к власти и отсутствие четких критериев побуждало ее использовать широкие и размытые критерии для определения своих врагов: верующие как носители чуждой идеологии, крестьяне как представители чуждого класса, «ленинская гвардия» как носители идей, несколько отличных от «генеральной линии», жертвы доносов, потому что на кого-нибудь доносят справедливо, после войны — те, кто были в плену или на оккупированной территории и т. д. и т. п.⁴⁶

Основная масса заключенных, ссыльных, колхозников и т. п., по существу, находилась на положении пленных недавно завершившейся или же подспудно продолжавшейся гражданской войны, которую вели большевики против приверженцев старого режима, крестьян и прочих «контрреволюционных элементов». Военнопленный, будучи солдатом вражеской армии, подлежит уничтожению, что не исключает возможности и извлечь из него какую-то выгоду. Выкуп исключается, поскольку на свободе вражеский солдат опасен, и остаются только два его приемлемых положения — ограничение свободы или смерть. Как раз в таком случае и можно объяснить крайне плохое обращение с подневольными работниками, поскольку низкие издержки их содержания достигают некоей полезной цели как в случае продолжения их жизни, поскольку означают экономию, так и в случае их смерти, каковая является одним из их допустимых состояний.

⁴⁶ Великолепный обзор этих «критериев» содержится в главах 2 и 3 «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына.

Исходя из этих же соображений, можно ответить и на вопрос о том, почему сотрудников шарашек не освобождали полностью, хотя и вне зоны они были бы вынуждены работать на то же государство. Создание шарашек диктовалось не столько экономическими, сколько политическими расчетами, побуждавшими власть видеть в каждом потенциальном враге и соответственно пытаться обезвредить его, лишая свободы и тем обрекая на социальную смерть, а для кого-то в перспективе и на смерть физическую⁴⁷.

Почему же государство в лице Хрущева постепенно отказалось от массового порабощения с перспективой социальной или физической смерти для всех попадающих в сети карательной машины? Вышеописанное позволяет предположить, что к тому времени государство избавилось от синдрома гражданской войны. В межвоенный период государство пыталось преследовать тех, кто являлся потенциальным источником возобновления той же войны. В военный и послевоенный периоды преследованиям подвергались те, в ком государство видело враждебный элемент, готовый встать на сторону немцев. За четыре десятилетия советской власти сошло со сцены поколение людей, судьба которых так или иначе была связана со старым режимом. Эти люди были либо истреблены репрессивной машиной, либо погибли на войне, либо, пройдя через лагеря, пережили социальную смерть и тем самым были обезврежены как потенциальные политические противники, либо, наконец, просто состарились и утратили жизненную активность. В пятидесятые годы главную роль в жизни уже играли представители поколения, воспринимавшего имевшийся социальный строй как естественный и не испытывавшего ностальгии по старорежимной России.

⁴⁷ Солженицын в романе «В круге первом» упоминает, правда, такой экономический резон как возможность быстрого выполнения важного заказа за счет принудительного сосредоточения ключевых специалистов (с. 82). Но в условиях тотального принуждения этого, вероятно, можно было бы добиться и без заключения «спецов». В то же время, как и предсказывает модель Феноальтеа, эту категорию заключенных приходилось активно стимулировать «пряником» — сносными условиями содержания и труда, а также перспективой освобождения и даже сталинской премии, что явно снижало чисто экономический эффект их порабощения. Поэтому рациональный смысл заключения специалистов приходится искать скорее в области политики.

Метафорой этой истории мог бы послужить исход израильтян из Египта, которых их вождь Моисей (не в обиду будь сказано величайшему библейскому герою), как и в нашем случае, сорок лет водил по пустыне под предлогом странствия в землю обетованную. Так он смог избавиться от поколения, ностальгировавшего по Египту, и сформировать новое общество на основе того поколения, которое уже не знало Египта и могло обетованную землю сравнивать лишь с пустыней⁴⁸.

Дilemma диктатора и «проблема царя Ирода»

Суть дилеммы диктатора в том, что диктатору требуется информация о его друзьях и врагах, получение которой затрудняется неизбежной для него политикой, но у него есть четкие критерии для выявления своих противников. Данная концепция предсказывают направление репрессий против идеологических противников, «враждебных классов» по экономическим интересам или же, как в теории горизонтальных связей Олсона, против подрывающих основы хозяйства «сговаривающихся бюрократов».

В советском обществе такие группы, правда, были мишениями, но кроме них страдало и множество других, никоим образом не вписывавшихся в эти прослойки. Здесь и выявляется специфика в положении советского диктатора сравнительно с положением диктатора, стоящего перед «дilemmой» в описанной теории. Советский диктатор имел дело с рассеянным в обществе смертельным врагом, устранение которого он считал условием сохранения власти, но которого было невозможно идентифицировать. Этим и можно объяснить принятое им решение о репрессиях против очень широкого класса населения, значительную часть которого репрессировать не имело смысла по причине их вполне лояльного отношения к диктатору. Но репрессии против всех по малейшему подозрению или вовсе при отсутствии оснований для подозрений были мерами предосторожности, которые принимались ради того, чтобы действовать наверняка и точно поразить цель.

Такую политику можно уподобить работе на золотых приисках, предполагающей перепахивание огромного количества почвы,

⁴⁸ Солженицын А. И. В круге первом. С. 231.

чтобы в этих толщах найти немного золота, или действиям браконьера, глушищего взрывчаткой *все*, что водится на определенном участке реки, чтобы заполучить лишь определенные виды рыбы. Или же «избиению младенцев» в Вифлееме, когда царь, дабы избавиться от единственного потенциального политического конкурента и не имея возможности его идентифицировать, приказывает уничтожить всех, относящихся к очень широкому классу, в который должна входить и искомая жертва. В рамках теории диктатуры это можно обозначить как «проблему царя Ирода», состоящую в невозможности идентификации истинных противников диктатора, что заставляет его проводить репрессии против очень широкого класса людей. Такая установка власти была ясно выражена в разговоре Лазаря Когана с одним заключенным: «Я верю, что лично вы ни в чем не виноваты. Но, образованный человек, вы же должны понимать, что проводилась широкая социальная профилактика» (курсив автора)⁴⁹.

Описываемую ситуацию можно изложить и в терминах концепции государства-бандита Олсона⁵⁰. У него государство — это оседлый бандит, заинтересованный в сохранении способности и стимулов к труду у обираемых им. В отличие от него, кочующему бандиту нет нужды заботиться о своих жертвах, и он забирает у них все. Олсон, видимо, склонен отождествлять большинство существовавших в истории государств с оседлым бандитом. Но здесь уместно уточнение, что государство будет вести себя со своими подданными как оседлый бандит, если не опасается сопротивления. Если же подданные для него — это источник не только долгосрочного обогащения, но и опасности, его мотивация в отношении них усложняется. Теперь она должна включать в себя побуждение как к созданию условий для

⁴⁹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.. Т. 1. С. 54. Еще более прямо такая установка была выражена Ежовым в его призыве «бейте, уничтожайте их без различия... лучше сделать больше, чем меньше... [Если во время операции будут расстреляны] «лишние тысячи людей... , [это] большой роли не играет». Баберовски Й. Указ. соч. С. 180. Великолепной метафорой, выражющей отношение власти к населению, является изображенная у Солженицына в романе «В круге первом» готовность Абакумова пойти на арест семи дипломатов, среди которых лишь один был предателем (с. 96).

⁵⁰ Олсон М. Указ. соч.; McGuire M. C., Olson M. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. March, 1996. Vol. 34. № 1. P. 72–96.

ведения хозяйства, так и уничтожению к ростков потенциального сопротивления, а это два прямо противоположных мотива, ведь подданные и кормят бандита, и угрожают ему.

Что с ними делать? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, наш бандит начинает совмещать в себе черты как оседлого, так и кочующего. Его горизонт планирования в отношении подданных сокращается. Если оседлый бандит планирует длительное время «работать» с одним и тем же населением, а гастролер расстается с ним сразу же после его ограбления, то оседлый бандит, опасающийся бунта, будет взаимодействовать с населением, предоставляя ему условия, не гарантирующие не только стимулы, но даже и выживание. Другими словами, население можно единожды полностью ограбить, можно обирать долго, стимулируя пряником, и можно обирать некоторое время, стимулируя только кнутом. Лишь некоторое время, поскольку люди, не получающие ничего кроме кнута, будут обнаруживать наклонность к бунту, в случае которого бандит уже не будет щадить их жизни. В этом смысле кочующий и оседлый бандиты оказываются двумя крайними типами, между которыми может располагаться множество промежуточных вариантов. Первый забирает все, ничего не давая, и уходит; последний забирает лишь часть, давая что-то взамен, и остается надолго. В промежуточном же случае бандит забирает почти все, почти ничего не оставляя, и остается ненадолго. Остается или уходит не в смысле пребывания на определенной территории, а в смысле длительности контакта с населением.

В начале советской истории государство решало, какого рода бандитом оно должно стать для российского населения. И здесь можно выделить три варианта, предложенные Бухарином, Троцким и Сталиным. Первый предлагал государству стать «цивилизованным» оседлым бандитом, ставящим на первое место развитие легкой промышленности и сельского хозяйства — основ благосостояния населения, опора на которые позволила бы позднее создать тяжелую промышленность и военное производство. Троцкий, напротив, считал необходимым продолжение политики военного коммунизма — трудовых армий, продразверстки и прочих мер по вытягиванию всех жизненных сил из населения ради «мировой революции» —

политики, в которой нашел бы выражение противоположный тип государства как кочующего бандита. План Сталина представлял собой лишь несколько смягченный вариант плана Троцкого: колективизация была лишь более организованной формой продразверстки, а индустриализация, предполагавшая крепостное право рабочих, стала реализацией идеи трудовых армий. Смягчение можно видеть в сохранении товарно-денежных отношений в городах вместо предлагавшейся Троцким системы натурального распределения, в доле ГУЛАГа в рабочей силе (10% против 50%), в меньшем революционном напоре во внешней политике, связанном с победившей идеей «построения социализма в отдельно взятой стране». Победа этого варианта означала победу государства, относящегося к промежуточному типу между оседлым и кочующим бандитом.

«Проблема царя Ирода» и война

При подготовке к большой войне сталинский режим ориентировался почти исключительно на количественные показатели, практически не уделяя внимания развитию человеческого потенциала. Предполагалось, что главное — это больше танков, самолетов и прочей техники вкупе с количественным превосходством в живой силе. Значение, конечно, имеют и качество, и количество. И любой организатор военной силы должен это учитывать, однако акценты могут ставиться различно: в одном случае ставка будет делаться на профessionализм, а в другом — на количество. Как это можно проинтерпретировать в рамках экономической теории и истории?

Как это ни цинично звучит, но люди на войне, как и техника, — это расходный материал, и соображения о том, сколько должно уходить этого материала в расчете на единицу военного результата (в километрах завоеванной территории или уничтоженной силы врага), будут зависеть в том числе и от его ожидаемой отдачи и стоимости. Объем вложений в обучение солдата будет напрямую определяться его ценностью для государства, потому что при прочих равных чем более обученной будет армия, тем меньше будут ее потери. Одним из соображений, влияющих на решения о требуемом уровне подготовки солдат, является стремление уменьшить потери. Экономию живой силы, помимо обучения, может обеспечить так-

же и военная тактика и стратегия: можно взять город приступом, а можно — путем блокады и бомбардировок; можно начать сражение, сразу же пуская в ход пехоту, а можно — начав с длительной артподготовки; вообще, ориентация на технику, на удары издалека, может выражаться в большей или меньшей степени, и зависеть она будет в числе всего прочего от ценности живой силы.

Здесь уместны сопоставления действий советского и английского руководства в аналогичных ситуациях, когда нужно было срочно спасать армию, оказавшуюся в безнадежной ситуации. Спасение английского корпуса в начале июня 1940 г., прижатого немцами к побережью Ла-Манша, было осуществлено очень быстро, эффективно и явно сознанием первостепенной важности этой задачи. Части же Красной Армии, спустя два года оказавшиеся в аналогичной ситуации в Крыму, были просто брошены там. Подобным образом в начале войны не торопились эвакуировать флот из Таллина, и его запоздалый переход в Кронштадт был связан с множеством потерь, которых можно было бы избежать, позаботившись об этом раньше. Так же следует оценивать и военные решения советского руководства, в результате которых многочисленные армии попадали в окружение и обрекались там на уничтожение или плен; занятую советской властью позицию по отношению к собственным военнопленным — неучастие в международных соглашениях по поводу обращения с военнопленными, — в результате чего советские военнопленные, в отличие от военнопленных других стран, в большинстве своем погибли в немецком плену⁵¹; практику разминирования живыми телами солдат минных полей и т. д.

Примеров беспечного отношения советского руководства к людям во время войны — к их жизни, результатам их труда — множество, и отношение это разительно отличается от отношения к собственному населению у американцев или англичан в аналогичных ситуациях. Как это объяснить? Здесь также может выражаться «проблема царя Ирода». Собственное население для власти было своим

⁵¹ Верт Н. Указ. соч. Гл. 8; Гофман И. Сталинская истребительная война. Планирование, осуществление, документы. Гл. 4; Баберовски Й. Указ. соч. С. 213–223; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.. Т. 1. С. 219–228.

лишь отчасти. Другая половина, воспринимаясь как враждебная, подлежала уничтожению. Поскольку же отделить одну часть от другой было невозможно, то любой человек воспринимался как потенциальный враг, что и снижало его ценность в глазах правителей. Собственное население ценится тогда, когда оно считается своим; советские же граждане для государства были «полусвои».

Восприятие граждан как своих лишь отчасти, помимо того что снижало их ценность и позволяло ими не дорожить, предполагало также короткий срок ожидаемого сотрудничества. По теории Уильямсона, отношенияско-специфические инвестиции порождают взаимозависимость, которая, как правило, вызывает необходимость долгосрочного характера отношений⁵². Данную взаимосвязь можно развернуть: если отношения долгосрочными быть не могут, стимулы к отношенияско-специфическим инвестициям определенно будут слабее.

Так и здесь. Средний солдат, как и любой средний гражданин, воспринимался как лишь потенциально временный попутчик, и значит, затраты на его обучение могут оказаться бесплодными или даже обернуться вредом в случае его предательства. Если, для простоты, половина населения оценивается как потенциально враждебная, то каждый второй — «не наш», и затрачивая двух, фактически затрачиваешь лишь одного своего. Тогда в случае операции, требующей затраты либо двух необученных солдат, либо одного обученного, «проблема царя Ирода» предполагает, что предпочтение вполне может быть отдано первой альтернативе. Реальная ценность потерь снижается (в данном случае вдвое). Но уменьшается вместе с тем и потенциальная отдача от обучения (здесь опять же вдвое). Потеря двух необученных, лишь один из которых «наш», может казаться меньше потери одного обученного, т. е. $\frac{1}{2}$ солдата плюс усилия на его обучение (равные в данном случае ценности одного своего солдата). В последнем случае при затрате двух необученных солдат расходуется лишь один «наш», а при затрате одного обученного — полтора «наших» необученных.

Здесь, конечно, не имеется в виду, что, не щадя своих солдат, советская власть тем самым сознательно их уничтожала, а только ука-

зываются их низкая ценность в ее глазах. Низкая по причине того, что лишь часть, притом до конца неидентифицируемая, располагаемых ею войск была ей по-настоящему верна. Если у тебя рота солдат, половина личного состава которой против тебя, ты будешь пользоваться ей гораздо расточительней. Примечательно в данном случае, что власть явно дорожила теми войсками, которые считала вполне своими, например, частями НКВД, которые всегда находились в относительной безопасности, не отправлялись на передовую и располагали всем необходимым для бегства в случае прорыва врага.

В каком-то смысле указанные закономерности являются частным случаем ситуации неблагоприятного отбора, когда принципал имеет дело с несколькими группами агентов, с которыми он готов заключать разные контракты, но которых он не в состоянии идентифицировать. Скажем, если работодатель имеет дело с ленивыми и трудолюбивыми работниками, которым он готов платить соответственно 0 и 10 руб., и знает лишь долю тех и других, он будет всем платить средневзвешенную зарплату, например, 5 руб. если работники обоих типов имеются в равных количествах⁵³. Так и в случае с советским государством. Если для простоты допустить, что существуют только враги и друзья и их количества равны, при этом первых власть готова уничтожить, а последним — гарантировать жизнь, *«работа с ними со всеми как с неразличимой массой предполагала бы определение для всех некоей средней участи между казнью и гарантией жизни*. Это и могло бы быть нечто вроде простого отсутствия заботы о сохранении жизни.

«Проблема царя Ирода», болевые стимулы и количество против качества

Концепция диктатуры Уинстроуба предполагает, что человека, нелояльного к власти, нельзя переделать с помощью пряника, но с помощью кнута из него все же можно извлечь какую-то пользу. Однако что если эта нелояльная прослойка «умело маскируется», как это и предполагает «проблема царя Ирода»? Тогда от государства следует ожидать, что в его арсенале стимулирования подданных будут безусловно доминировать стимулы отрицательные, «болевые».

⁵² Скоробогатов А. С. Лекции и задачи по теории контрактов. СПб.: СПб филиал ГУ ВШЭ, 2006. ie.boom.ru/skorobogatov2/contents.htm. Гл. 10, 11.

⁵³ Там же. Гл. 2, 3.

Согласно Феноальтеа, болевые стимулы эффективны лишь в отношении неквалифицированного труда, тогда как квалифицированный труд требует положительного стимулирования; при этом, принудительный труд оправдан лишь при эффективном использовании болевых стимулов. Эти рассуждения опять-таки можно перевернуть: если система настроена на применение в основном болевого стимулирования, эффективное использование квалифицированного труда будет уже невозможным, и, следовательно, не будет стимула его развивать. Если обратиться к виноделию, рассматриваемому Феноальтеа в качестве примера, оно требует собственной «заботы» труженика, а забота — материального поощрения⁵⁴. Но в системе, ориентированной на наказания, в случае необходимости виноделия средства, которые бы подлежали использованию на выплату премий, были бы направлены на усиление контроля.

Основным стимулом в армии были расстрелы, штрафбат и лагерь. Такое стимулирование может заставить солдата выполнять внешние военные действия, которых от него требуют, но если он искусный солдат, такими стимулами его нельзя заставить проявить свое искусство. При помощи наказаний можно контролировать лишь «неквалифицированный солдатский труд», тогда как «квалифицированный труд» таким образом поставить под контроль нельзя, поэтому режим и не пытался способствовать обучению армии, а делал акцент лишь на тех аспектах военной силы, которые можно контролировать (в том числе развитие вооружения).

Указанные особенности иногда объясняют простой халатностью, традиционной русской склонностью пренебрегать людьми, а также экстенсивным использованием ресурсов. Халатность есть выражение определенной системы приоритетов, а она уже нуждается в объяснении, каковым и может быть «проблема царя Ирода». Сравнительное с другими странами пренебрежение человеком в русской истории едва ли имело место, поскольку человек у нас был редок, и таких жертв старая Россия не могла себе позволить, что подтверждается и исторически⁵⁵. Экстенсивное использование ресурсов может что-то объяснить лишь в том смысле, что советская власть располагала боль-

шими возможностями в плане мобилизации населения, чем другие страны, но опять же, если такая разница и имела место, ее не следует преувеличивать. В начале войны гитлеровская армия численно превосходила противостоявшие ей советские войска,⁵⁶ и осенью 1941 г. Красная Армия испытывала острый недостаток резервов, потребовавший переброски частей с Дальнего Востока; советские мобилизационные возможности ограничиваясь в основном русскими и только теми из них, которые не были заняты на работах, не находились в лагерях и... не воевали на стороне немцев. С другой стороны, Гитлер также имел возможность объявить всеобщую мобилизацию, как это показал конец войны, и к тому же мог задействовать войска множества зависимых от него и союзнических государств.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка найти некое подобие рационального объяснения тех особенностей, которыми характеризовалось обращение советской власти с собственным населением, — кажущегося необъяснимым террора против решительно всех слоев населения, содержания заключенных, обрекавшего их на вымирание, и немногим лучшего отношения к армии во время войны, также как и множества других случаев, в которых по причине действий или бездействия государства его подданные оказывались на краю гибели. Имеющиеся теории принудительного труда и поведения диктатора не позволяют в полной мере объяснить эти явления, поскольку предполагают хозяйственное отношение к живому капиталу, а в случае угрозы власти диктатора — репрессии исключительно против действительного источника таковой угрозы.

Трансформация российского общества, вызванная революциями и войнами, породила чрезвычайную социальную мобильность и брожение умов, в результате чего произошли глубокие изменения

⁵⁵ Интересны в данной связи замечания Ф. Броделя о редкости человека в России: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 459. Также и Домар выстраивает свое объяснение закабаления людей, в первую очередь в нашей стране, именно редкостью человеческих ресурсов: Domar E. Op. cit.

⁵⁶ Верм Н. Указ. соч. С. 308.

в социальной и идейной самоидентификации огромного количества людей. В этих условиях захватить власть большевикам помогло именно их умение воспользоваться происходившими переменами в сознании и строении общества. Но эти же перемены создавали и известные трудности в плане удержания власти, а именно неопределенность их социальной базы. В этих условиях допущение о рассеянных во всех слоях общества смертельных врагах власти было вполне правдоподобным.

Если воспользоваться образами приводимой в качестве эпиграфа евангельской притчи, большевики имели дело с густо разросшимися «контрреволюционными» плевелами среди «честной коммунистической» пшеницы. Однако, в отличие от «домовладыки» в притче, предложившего оставить «расти вместе и то, и другое до жатвы», чтобы «не выдергали вместе с [плевелами] пшеницы»⁵⁷, советская власть сразу же принялась за выкорчевывание плевел, нисколько не заботясь о сохранности пшеницы. В результате средний советский гражданин для власти был человеком, находившимся в промежуточном состоянии между смертником и честным человеком. Такое промежуточное состояние исключает как уничтожение, так и полновесную заботу, и предполагает именно низкую ценность людей в глазах власти.

Это может наводить на размышления о том, что лучше (или хуже) для общества — неизменность идеологии и иерархии или же изменчивость всего этого. Олсон, как известно, энергично выступал против первой альтернативы, опасаясь разлагающего влияния групп специальных интересов, укрепляющихся в условиях стабильности. Основатель же всех наук, Аристотель, видел высшую ценность в полисе — вечно воспроизводящей себя социальной структуре. Наше недавнее прошлое скорее говорит в пользу древнего афинского мыслителя. И дополнительным аргументом здесь является то, что чем глубже и стремительнее изменения в обществе, тем неопределеннее социальная база руководства страны, которое при наличии достаточной «воли к власти» ради ее сохранения может обнаружить готовность воевать со всем своим народом⁵⁸.

---

⁵⁷ Мф. 13:27, 29–30.

⁵⁸ Баберовски Й. Указ. соч. С. 6.